

КАК НАСТОЯЩИЕ

▲ Иллюстрация: hairywookiee
www.hairywookiee.deviantart.com

Джош поставил на серую мыш. Деньги казенные, не жаль, если пропадут. А то, что пропадут, и так ясно. Много ума не надо, чтобы просчитать исход боя. Серая мыш хорошо бы смотрелась не на цирковой арене, а за кассой провинциального магазина или же с подносом дешевой закуски в вонючей забегаловке для дальнобойщиков, или в библиотеке какого-нибудь захолустья среди пыльных книг, которые давным-давно никто не читает.

Белесый хвост стянут на затылке резинкой. Плечи узкие, шея цыплячья, тонкая. Кофточка желтая в мелкий цветочек, джинсики потертые, кроссовки стоптанные. Очков только для полного комплекта не хватает. И где таких берут? Не поймешь, то ли брак, то ли раритет. Еще, считай, повезло, что поединок на шпагах. Оружие потяжелее такая сопля вряд ли даже в руках удержит. Впрочем, ей уже ничего не поможет.

ЛЮДСКАЯ МАССА поднялась волной, загудела, и на секунду Джошу показалось, что трибуна качнулась, словно поддавшись подземному толчку. Зрители приветствовали свою фаворитку. На арене появилась та, ради которой приличные отцы семейств, страховые агенты, менеджеры по продажам, старшие бухгалтера и младшие научные сотрудники притащились в это средневековое шапито, чтобы насладиться зрелищем крови.

Ну что ж, мыш. EN GARDE. СЕЙЧАС ТЕБЯ БУДУТ УБИВАТЬ

Пусть синтезированной, но не менее красной. У нее даже запах был настоящий, мясной приторный запах, кружащий над ареной голодным стервятником.

Сильвия скинула плащ, обнажив идеальной формы грудь, выглядывающую из туго зашнурованного корсета, тряхнула гривой черных кудрей и повела круглыми бедрами, словно ей предстояло скользить по шесту в прокуренном баре, а не по тонкому лезвию смерти. Блеснула сталь, заиграв искусственными лучами светодиодных прожекторов. В левой – не испанская дага, как полагалось, а обыкновенный охотничий нож.

Ну что ж, мыш. En garde. Сейчас тебя будут убивать. Джош глянул на количество жизней в статусе каждой из соперниц. Хм, точно, аж три раза.

Мышь замороженно смотрела на Сильвию, словно не понимая, что сейчас произойдет. Она, похоже, и испугаться-то толком не успела.

Сильвия, получив свою порцию аплодисментов, резко развернулась на каблучках, выпуская из руки лезвие. Классический бросок влоборота, и нож по рукоять вошел в горло, пробив сонную артерию и раздробив шейный позвонок. Фонтаном хлынула кровь. Зрители разочарованно засвистели. Они рассчитывали на зрелищное шоу, а не на быструю развязку. Ничего, у Сильвии есть еще возможность погонять мышь по арене, прежде чем отрубить ей хвост. Второй заход мышь держалась лучше. Ей удалось парировать первые несколько ударов, прежде чем соперница проткнула ее насквозь. Вынув шпагу из распоротого на полу тела, Сильвия изящно поклонилась, окинула взглядом прильнувших к барьеру зевак и встретила с Джошем глазами. Черт. Неужели узнала?

В третьем заходе мышь довольно успешно провела атаку, заставив Сильвию отступить назад. Что-то изменилось в невзрачной кассирше-официантке, что-то неуловимое, тонкое, ускользающее. Джош навел резкость и сфокусировался на лице. Страх? Ненависть? Не то. Память, отвечая на запрос, выдала стандартную ошибку. Сильвия не ожидала такого напора от противника, который только что дважды был с позором убит. Когда мышь, сделав полукруг, завязала клинок соперницы своим, публика ахнула и схватилась за кошельки. Плакали ваши денежки, дорогие зрители. Отбросив шпагу, мышь шагнула на встречу своей недавней смерти. Конечно же, никто не думал, делая ставки, что невзрачная бледная сопля повалит победительницу последних турниров на землю и быстрым движением перережет ей горло.

Так они и делают деньги, подумал Джош.

С БУКМЕКЕРОМ он встретился накануне в баре. Подвижный лысеющий толстяк щурился в улыбке и дружески хлопал Джоша по спине.

– Неужели ни разу не играли? Вы отстали от моды, молодой человек. Уверю, вам понравится. К тому же новичкам мы предлагаем бонус – пятьдесят процентов от первой ставки. Глядишь, разбогатеете враз.

Толстяк хихикнул и протянул Джошу карточку.

– А на кого посоветуете?

– Ну, тут я не советчик. Вы посмотрите фактам в лицо. Модель М-204 – рухлядь, уж не знаю, почему корпорация предложила ее. Полагаю, исключительно из-за зрелищности. Не все же ставки делают – большинство ходит так, поглазеть, эмоцию ощутить. А тут, видимо, на жалости хотят сыграть. На вид ведь молоденькая совсем, ну и жалко, само собой. Жалость тоже ведь эмоция. И довольно редкая. Три шанса у нее будет против одного, ну, чтоб силы как бы уровнять.

– ЗНАЕТЕ, КАКАЯ ОНА БЫЛА ДО МОДИФИКАЦИЙ?

На стол легла фотокарточка. Обычная девчонка, похожая на первокурсницу какого-то малопrestижного вуза. Не то чтобы некрасивая, а просто никакая, блеклая, как выцветший фасад казенного учреждения. Серая мышь. Таких раньше выпускали на должности официанток-секретарш «принеси – распечатай – свари кофе», пока не заменили усовершенствованными моделями «оформи заказ – договорись с клиентом – сделай массаж».

– А вот С-785, Сильвия. Пять сотен боев с эффективностью 96%, звезда, можно сказать. Послушайте, а мы с вами раньше не встречались? Ну, значит, показалось.

Джош мельком взглянул на фото, задержался на нем ровно столько, сколько требовалось, чтобы не вызвать подозрений, и отвел глаза.

– Знаете, какая она была до модификаций? – Толстяк снова хихикнул и, перегнувшись через стол, зашептал Джошу в ухо.

Джош не слушал. Он знал.

ИЗ ОКНА СТАРЕНЬКОГО монорельса городок показался Джошу брошенным. Разноцветные, в два-три этажа домики с башенками жалась к бурливой речке, кипенно-белая лента которой появлялась ниоткуда и тут же растворялась в утренней дымке между холмами. Летний сезон закончился, и редкие туристы на пляже казались с высоты фуникулера маленькими фигурками трансформеров, забытыми беспечными детьми на берегу моря. Первые прохожие появились на набережной позже: Джош успел не торопясь пройти пару кварталов от платформы, миновать горбатый мостик с бронзовыми химерами и подстыковать к информационной тумбе.

– Если ищете жилье, я сдам недорого. – Пожилой женский голос звучал как надо, участливо и ненавязчиво. – Отели теперь все закрыты до зимы, пока не поедут горнолыжники.

Джош обернулся.

– Даже не знаю...

Что-то они там напутали, в Департаменте. Найти распространителя, представиться заказчиком... Откуда в этой глуши нелегальное производство? Не могло быть ничего интересного здесь, среди металлодеревьев в горшках и довоенных домиков с участливыми пожилыми дамами.

– Да вы не сомневайтесь, в стенах нет биобетона, только глина. Еда чистая. Все как у людей.

Насчет еды хозяйка не обманула: никакой химии и модификантов, крем-суп из натуральных грибов, зерновой хлеб, чуть подкисшие сливки в кофе. И кровать простая пружинная, как Джош любил, без подстройки под тело. По привычке первым делом он просканировал сидящих на ней рядом кукол. Винил, механика и электроника времен Фербе Бум, когда понятие «живое» только-только начало ломать рамки привычных представлений о том, что, собственно, к нему относится.

– Привет, – сказал Джош.

Куклы зашевелились, залепетали вразнобой стандартные «привет», «как дела», одна даже поднялась на ножки и сделала смешной реверанс. И опять ничего. Ни подпорогового аудиовоздействия, ни попыток тактильного контакта. Чертова идиллия.

Тогда ему нравилось работать игрушечником. Выявлять запрещенные образцы, утилизировать, ловить распространителей. Правильные, честные игрушки служили мостиком в будущее, дарили улыбки и надежду, как клоуны в цирке, а дефектные все это извращали. Заражали вирусами автоматику, превращая полезную вещь в бесконтрольную машину. Где и почему происходил сбой? В какой момент вещь становилась опасной для своих хозяев, переставая быть вещью? Джош палил их в автоклавах сотнями, растворял в кислотах, давил прессом. И считался одним из лучших. А потом появилась Сильвия в клетчатом бикини.

Сидела в пляжном шезлонге, выпрямив спину и сдвинув колени, а они плясали на ее загорелых бедрах. Шахматные фигурки. Изящные королевы в вечерних платьях, крохотные копейщики, крутобокие слоны с белыми и черными бивнями. Биомехи из живой плоти. Джош смотрел на это чудо во все глаза.

– Нравится? – спросила она и взмахнула ресницами.

Сенсоры Джоша молчали, а вот сердце застучало так, словно его разогнали, наугад выставив параметры. Еще чуть-чуть, система не выдержит оверлод и безвозвратно потеряет стабильность.

Они болтали о разных мелочах. О том, что скоро осень, и в город приедет цирк. О том, что воздух пропитан солнцем, а в воде отражается целое небо. Что хорошо бы сейчас оказаться там, где никого нет, и долго смотреть друг другу в глаза, пока весь мир, уменьшившись до игрушечных размеров, замирает в ладони прощальным сувениром на память. Сильвия улыбалась. Ее плечи пахли морем и солью. Она вся пахла морем и солью.

Очнулся Джош в госпитале Департамента. Его собрали буквально по частям. А он лежал и слушал слова. «Травма позвоночника», «ему не встать без сервопривода», «это тебе не зубные протезы, процы срачивали с нейротканью», «жаль, хороший парень», «как ни крути, уже не человек, киберизация почти на треть», «прощай, оперативная работа», «ничего, переведут в налоговую, будет аферистов ловить».

Память барахлила, на каждый запрос отвечая разными вариациями одного и того же сбоя. Ни задания, которое он выполнял, ни полученной информации. Все, что Джош помнил, – это игрушечные фигурки, танцующие на загорелом теле.

Он искал ее целый год и, наконец, нашел в приюте в Пеште весной пятьдесят седьмого. До того он долго разглядывал памятник у старого вокзала. Пожарный в изодранном комбезе без шлема с маленькой девочкой на руках. Каждому свое. Кому спасать, кому чинить, а кому уничтожать то, что не поддается никакому ремонту.

Майское солнце играло в непросохших с ночи лужах, в воздухе пахло каштанами и корицей. Джош спустился на бульвар к приюту и понял: сейчас все случится. Вошел в двери, отключил охранника и, расшвыривая подростков, двинул напрямик в дальний кабинет. Она стояла справа от директрисы, потупив глаза, в скромном платьице в свою любимую клетку.

Джош препарировал ее тщательно и неторопливо, боясь что-то упустить. Час или больше, прежде чем признался самому себе, что совершил ошибку: это была лишь кукла-копия, что-то вроде тех, что машут мечами, шпагами и прочим железом на арене.

После всего его заперли на релаксацию, а потом перевели в отдел по борьбе с мошенничеством.

ТОЛСТЯКУ БУКМЕКЕРУ ДЖОШ, конечно же, об этом не сказал. Как и не сказал, зачем он оказался в этом городе спустя столько лет.

Джош повертел карточку в руках, делая вид, что думает, и поставил на мышь.

ОН РАСТАЛКИВАЛ зрителей локтями, то и дело извиняясь направо и налево.

Толпа гудела, словно рой бешеных пчел. Пресыщенные и отупевшие от скуки, они пришли получить то, что еще хоть как-то могло вызвать эмоции. Да, им всем было жаль серую мышь, несчастную девицу, которая ошиблась дверью и случайно оказалась на арене. Тем не менее, каждый из них желал ей смерти, только и ждал, когда острое лезвие распорет плоский живот, когда желтенькая кофточка в цветочек пропитается красным, а на песок безжизненной перчаткой упадет отсеченная кисть руки. А что такого? На арене ж не люди, хотя выглядят, как настоящие. Биомех потом починят, а если не починят, то заменят новым. Это спектакль, цирк, шоу. Ну, и возможность заработать пару кредитов, если удачно сделать ставки. Вот только своего разочарования и пропавших денег зрители не простят. Попадись им мышь на глаза – обесточат, разломают и разберут до микрочипов.

Откуда-то из людской массы вынырнул букмекер и крепко взял Джоша за локоть.

– Поздравляю! – Толстяк усиленно пытался перекричать многоголосый гул. – Я же говорил, новичкам везет. Желаете получить свой выигрыш?

О, Господи, не сейчас, подумал Джош, но вида не показал. Если этот идиот прицепится, за кулисы черта с два попадешь. Джошу нужно было внутрь и поскорее, без лишнего шума. А еще хотелось бы выйти обратно, желательно, целиком, а не по частям в пакетах с биомусором.

Надо же, первый раз выиграл, и так не вовремя. Джош дал толпе проглотить себя и выплунуть возле надписи «Служебный вход».

А потом увидел ее.

Таких раньше можно было встретить в дешевых забегаловках, за кассой провинциального магазина, среди пыльных книг в библиотеке. Их выпускали, взяв за основу общепринятый стереотип, то, что привычно глазу.

В целом, модель была не очень удачная. Кому могло прийти в голову перепрограммировать ее на цирковые бои?

Она почти столкнулась с Джошем у входа.

– Где Сильвия?

– В автоклаве. Ремонту не подлежит. К сожалению, в распоряжении компании был только один экземпляр. В программе шоу так и указали. У вас какие-то претензии? Хотите вернуть свои деньги?

– Я не ставил на нее, – ответил Джош, сверкнув жетоном Департамента, – пожалуй, нам надо поговорить.

Знакомая фигура втиснулась между ними.

– Какие проблемы, молодой человек? – До чего же прилипчивый этот букмекер... и проворный, хоть с виду не скажешь. Здесь всегда так настойчиво предлагают выплатить по счетам, или только Джошу повезло?

– Вижу, вы к нам неспроста. А у нас все в порядке – и регистрация, и лицензия. Никаких синдикатов, инверсий и других махинаций. Бухгалтерия чиста, как совесть начальника Департамента. Все модели соответствуют госстандарту и регулярно проходят техосмотр. Если хотите, мы вам деньги выплатим прямо сейчас. И бонус, в самом лучшем виде, наличными. Ну или еще чем, чего ваша душа пожелает. – Толстяк плотоядно хихикнул. – А хотите на арену?

– Как это?

– Очень просто. Выбираете любой вид оружия, хоть томагавк, хоть люгер-парабеллум. Оно, конечно, на ваш страх и риск, но зато адреналин – настоящий, не синтезированный.

– Я с девушками не дерусь, а вот бумаги ваши, пожалуй, проверю, – ответил Джош, встречаясь глазами с продавщицей-официанткой. И снова мелькнуло что-то неуловимое, знакомое. Ненависть? Страх? Не то. Насколько возможно синтезировать эмоции так, чтобы они казались настоящими? Мелькнуло и пропало, словно тень пробежала по гладкому, миловидному лицу, оставив едва заметную печать грусти и парадоксальной жалости, на которую не способна ни одна ма-

шина. Серая мышь прошла мимо, невзначай задев его плечом. Всего мгновение, но ему было достаточно, чтобы узнать ее и провалиться в темноту.

Сознание рвалось в реальность сквозь лоскутное одеяло анимированных 3d-картинок. Они мешались, накладывались одна на другую, то вдруг частичками пазла стыковались между собой, образуя гигантское панорамное полотно.

В маленьком городке, действительно, не было ничего интересного. Но ближе к осени туда приехал цирк. Там Джош впервые увидел их, не подозревая, чем это для него закончится.

ОСОБЫЙ ВИД БИОМЕХАНИЗМОВ, СПОСОБНЫХ СИНТЕЗИРОВАТЬ ЭМОЦИИ, – ЭТО НЕВЕРОЯТНО

В ТОТ РАЗ ПУХЛЫЙ, как дрожжевой пирожок, букмекер не хлопал Джоша по плечу. Он едва касался его, сдувая невидимую пыль, и заискивающе смотрел в глаза. Ну, конечно же – клиент, заказчик, деньги. А прежде всего – связи и нужные люди. Все настоящее и все для людей. По высшему разряду.

– Уверяю вас, шоу будет грандиозным.

– Я не разделяю вашего энтузиазма. Две игрушечные машины крошат друг друга

в хлам. В этом нет ничего интересного и нового. Вы меня разочаровали.

Джош направился к выходу.

– Пойдите, вы только взгляните на них. Один раз. У вас не займет много времени. – Букмекер расплылся в умоляющей улыбке. Заказчика рекомендовали солидные люди. Такую добычу грех упускать.

– Ну, разве что один раз, – согласился Джош, изображая снисходительное безразличие.

Две девушки уже ждали на арене.

– Хотите посмотреть поближе?

– Не стоит. Андроидов я видал достаточно.

– Таких не видели, я вас уверяю. Одна – модифицированная копия другой. Поединок с собственным я, в этом есть что-то философское, не находите? Обратите внимание, классические двадцать шагов. Оружие – реплика знаменитого Карла Ульбриха, десятиграммовая пуля, ну и порох, само собой. На что спорим, блондинка выстрелит первой и промахнется?

Но Джош уже не слушал. Он полностью сосредоточился на том, что происходило внизу, на арене.

Одна из девушек обернулась. В гробовой тишине раздался глухой щелчок.

– Как я и говорил, оружие вполне аутентично, – продолжал букмекер. – Наши пистолеты без капсюльных замков. Осечки вносят свой элемент случайности, согласитесь.

– Она боится смерти, – констатировал Джош. – Невероятно. Настоящий страх. Я его даже здесь чувствую. Как вам это удалось? Вы – или гений, или ловкий аферист.

– Давайте обойдемся без комплиментов. Пусть Сильвия закончит.

«Сильвия», – автоматически отметило сознание Джоша.

С мягкой кошачьей грацией Сильвия медленно развернулась и всадила пулю сопернице в лоб.

– Скажите, – вдруг спросил Джош, – а ей не больно? Ну, когда...

Дурацкий вопрос. Само вырвалось. Хоть бы этот толстый жук ничего не заподозрил.

Букмекер усмехнулся:

– Ну, зрители же хотят, чтобы все было по-настоящему, так? На суррогат уже никто не покупается.

– Потрясающе. – Джош изобразил восхищение. – Вполне натурально. Особенно при попадании в цель. Да за такими эмоциями народ валом повалит.

– Не только повалит, но и деньжищи свои поставит. Так что вы подумайте, а я пока распоряжусь, чтобы весь мусор в автоклав. Модель секретная, а конкуренты не дремлют.

Джош не верил своей удаче. Особый вид биомеханизмов, способных синтезировать эмоции, – это невероятно, в Департаменте должны знать об этих игрушках все.

Но в Департаменте так ничего и не узнали. Из того, что осталось от памяти Джоша, специалисты пытались собрать хоть какую-то картину, но удалось восстановить лишь обрывки детских воспоминаний.

ПОСЕРЕДИНЕ УЛЕПЕТЫВАЛИ в прозрачный альпийский рассвет одинаковые овечки, а трава под ногами казалась такой близкой. Тридцать лет назад никому в голову не приходило называть овечек игрушками, хотя встроенные в мозг нейрочипы заставляли тела животных исполнять голосовые команды. Любому ребенку было по силам справиться с целым стадом. Пастушок об этом не догадывался и чрезвычайно гордился должностью.

– Джош, ты забыл свой завтрак, – переживал за него далекий родной голос.

Он улыбнулся. Так все и было.

Слева трава сменялась белым песком, из которого к небу тянулись раскидистые алеппские сосны.

Джош слышал, как за кадром о берег хлюпают волны, и знал, что это Корсика, что сейчас из-за спины выйдет женщина с солеными слезинками моря на коже, сядет в невесть откуда взявшийся шезлонг, достанет что-то важное из пляжной сумки. Прошепчет солеными же губами:

– Вернуться. Ты этого хочешь?

Джош хотел было крикнуть «да», опережая вопрос, но справа-сверху, с овечьего альпийского склона к нему спускался новенький киборг-пожарный, из самых первых. Он вел за руку невзрачную девочку в клетчатом сарафанчике. Половина видимых частей тела у нее была живой. Нога, рука, поллица... Другая половина, ближе к пожарному, представляла собой механоидные модули с тягами, шестернями и адаптивной оптикой. И все это двигалось, крутилось, шло навстречу Джошу, шептало ему сквозь сжатые хрустально-живые губы:

– Это – не люди, не люди... Это шоу, спектакль, цирк. Твой выход, Джош.

ОН РАЗВЕРНУЛСЯ на мерный плеск позади, приготовившись бежать к морю, но увидел лишь что-то вроде паутины до горизонта. По паутине неслись вдаль голубые разряды, ветвясь и вновь собираясь в единые блистающие жгуты. Над точками ветвления висели сотни и тысячи водяных часов, в которых синхронно переливалась темно-красная жидкость. Разряд-хлоп-переворот, разряд-хлоп-переворот. В небе сверху горели зеленые цифры, как на старинных электронных будильниках, и вели отсчет, только в обратную сторону. Еще дальше, за небом, знакомый голос переживал, заработают ли восстановленные синапсы, добегут ли кто-то или что-то – наверное, его овечки – куда следует. Джош не боялся, просто слушал полузнакомые слова: синапсы, волокна, уровень киберизации.

С каждым плеском невидимое тело Джоша становилось легче, будто его заполняли неизвестным газом, еще немного – и полетит.

Он оттолкнулся от земли и открыл глаза. Яркий свет прожекторов бил в лицо.

ПЕСОК ПОД НОГАМИ. Арена. Люди вокруг. Много людей. Звук проходит через фильтры,

раскладывается в спектр и выплескивается словами, каждое из которых врезается в мозг стальным лезвием.

- Ну же, уделай эту суку в хлам!
- Давай, парень, мы на тебя поставили!
- Чего ждешь? Тебе помочь?
- Его там что, заклинило, что ли?
- Робот недоделанный. Производственный брак!
- А говорили, как настоящие... Вот и верь теперь рекламе.

– Обещали шоу, а показывают какое-то отстойное мыло! Требую назад свои деньги!

Джош сделал шаг вперед. Там, возле багряера стояла она – в клетчатом платье, которое ей не шло, словно снятое с чужого плеча.

– ЗДЕСЬ НЕТ ЛЮДЕЙ, ДЖОШ

Сильвия минус двадцать четыре модификации плюс несколько сот копий. Таких раньше можно было встретить в дешевых забегаловках, за кассой провинциального магазина, среди пыльных книг в библиотеке. Джош никогда бы не узнал ее, если бы случайно не коснулся руки. Такую память не выжжешь ничем. Она не оперативная, не резервная – это клеточная память тел, которые когда-то были вместе.

– Да они уже несколько минут стоят и не двигаются!

- Гребаные андроиды!
- На свалку! В автоклав!

Следующий шаг она сделала сама.

– Это наш шанс. Мы вдвоем можем разнести этот балаган к чертям. Давно пора.

- Нельзя. Здесь люди.

Еще один шаг вперед. Их ладони переплетаются, а дыхание смешивается.

- Здесь нет людей, Джош. ■